

Тата Алатова

Люся,
которая
всех бесила

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление *Марины Самойловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алатова, Тата.

А45 Люся, которая всех бесила : [роман] / Тата Алатова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Любовный роман с хеппи-эндом).

ISBN 978-5-17-155688-4

Павел считал, что Люся испортила ему жизнь. Она была уверена, что он легко отделался. Он твердо планировал держаться от нее как можно дальше. Она не собиралась давать ему такой шанс.

Кто больше причинит другому неприятностей? И как продолжать воевать друг с другом, если каждое утро вы завтракаете вместе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155688-4

© Т. Алатова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

— Люсь, а Люсь?
— М-м?

— А как ты думаешь, Ван Со встретится с Хэ Су в следующей жизни?

— Кто? — удивилась Люся и открыла глаза.

Шесть тридцать утра. Самое время для зубодробительных имен.

— Ван Со, император Кванджона, — терпеливо пояснила Нина Петровна.

— А мы что, уже в Корее? Вроде бы ложились спать в Турции.

— Уже неделю в Корее, где ты витаешь?

Люся зевнула и побрела в душ.

Так у них давно повелось: днем Нина Петровна, одинокая пенсионерка, смотрела сериалы, а по вечерам Люся их слушала. В авторском пересказе сюжеты претерпевали дивные метаморфозы, и персонажи вели себя так, как того хотела Нина Петровна, а не сценаристы. Люся изрядно удивилась, когда в случайном разговоре выяснила, что Джейме Ланнистер из «Игры престолов» погиб вместе с сестрой Серсеей, а не отправился в странствия с Бриенной Тарт.

К цветистым повествованиям Люся относилась философски, как и к ужинам, которыми угощала ее соседка, и к завтракам тоже. Так бывает, когда селишься на одной лестничной клетке с одинокой домовихой. Если навязчивой заботы не избежать, проще всего расслабиться и получать удовольствие.

— Так чем забита твоя голова? — спросила Нина Петровна, наливая сок из апельсина и сельдерея в высокий стакан.

— Вы не хотите этого знать, — хмыкнула Люся, разглядывая сложную композицию из авокадо, семян льна, цельнозернового хлеба и креветок.

Она просто купит себе по дороге в контору жирный бургер и попросит секретаршу о большой чашке кофе.

Нина Петровна вот уже много лет не выходила из дома, хоть и оставалась подвижной и энергичной старушкой. «Сначала из-за сына моего непутевого, — объясняла она, — а потом привыкла».

Люся подозревала, что у соседки развилась полноценная фобия, и пыталась уговорить ее вызвать специалиста, но Нина Петровна стояла насмерть. Про сына словоохотливая старушка тоже молчала как партизан, но деньги у нее водились, и она лихо заказывала себе продукты, вещи и технику по интернету.

Собеседников, увы, доставка не привозила, вот Люся и оставалась единственной, с кем Нина Петровна поддерживала общение.

— Опять задумала какую-то пакость, — резюмировала старушка, приглядевшись к Люсе повнимательнее. — Что за вредная ты баба! И не надоело тебе с целым городом бодаться?

— Врагу не сдается наш гордый «Варяг», — продекламировала Люся и залпом, как водку, выдула сок.

Звякнул телефон — короткое сообщение: «Взяли». Анонимное, потому что сотрудникам правопорядка запрещалось прямую, в обход начальства, передавать подобные сведения журналистам.

— Взяли! — Люся подпрыгнула и метнулась к трюмо, торопливо смывая яркий макияж и срывая с себя крупную бижутерию.

— К Лихову собралась, — догадалась Нина Петровна. — Опять будешь прикидываться приличным человеком. И как он только тебя терпит.

— Терпит, — торжествующе согласилась Люся, меняя мини-юбку с бесстыдной блузкой на скромное серое платье. — Дед-Дуб меня очень терпеливо терпит, долгих лет ему службы. Черт, где мои очки для походов в управление?

— Ты еще косы заплети!

— Некогда. — Люся цапнула с тарелки кусок хлеба, запихала его в рот, схватила кофр с аппаратурой, трость и, прихрамывая, поспешила в прихожую.

Около четырех месяцев назад неизвестный мальчишка наступил ей на лапу — откуда он только взялся так далеко от города, и нога теперь заживала неохотно, медленно.

— Все, Нина Петровна, я ушла, — крикнула она, уже аккуратно обувшись. — Буду скорее всего поздно, не ждите.

— Я, деточка, тебя всегда жду, — мягко отозвалась соседка.

Люся ничего не ответила, ей было сейчас не до нее.

Дед-Дуб, или Дмитрий Юрьевич Лихов, вот уже больше двадцати лет возглавлял отдел видовых преступлений в городской полиции. Люсю он действительно терпел, с трудом, правда, но на открытую конфронтацию не срывался. Был он человеком мудрым и понимал, что лучше худая дружба с главным редактором и собственником новостного интернет-портала «Город не спит», чем добрая ссора.

Все знали, что у Люси характер мстительный, злопамятный и мерзопакостный, а сбитых чиновников она воспринимает как звездочки на фюзеляже. Поэтому сотрудничал с ней Дед-Дуб с крайней осторожностью, всегда ожидая подвоха и не теряя бдительности. И правильно, в общем, делал.

Люся уже вторую неделю дергала рядовых сотрудников и щедро подкармливала их в ожидании новостей о поимке русалки. Полиция, как всегда, старалась напустить тумана, официально — чтобы не распространять панику. Люся по обыкновению этот туман старательно развеивала.

Именно ее портал первым написал, что в больницу доставлен мужчина в критическом состоянии с явными признаками истощения жизненных сил.

Читателям не нужно было объяснять, что это значит. Истории о том, как в квартирах находили изможденных покойников, рассказывали друг другу с детского сада. И еще читатели понимали: состояние пациента говорило о том, что русалка была молодая, жадная, неопытная, не умела вовремя остановиться. И что хуже всего — она найдет себе новую жертву в самое ближайшее время.

Ужас расплескался по интернет-страницам, посещаемость портала рванула вверх, а Дед-Дуб, с трудом сдерживая бешенство, сообщил, что объявлена операция «Перехват», полиция поднята по тревоге.

Люся нетерпеливо ожидала развязки.

Ее терзала навязчивая идея написать интервью с русалкой: на ее памяти такого еще никто не делал, потому что суеверные страхи были слишком велики. Люди боялись даже на пять минут остаться рядом с русалкой, хотя все исследования говорили о том, что нужно более недели плотного контакта, чтобы получить урон, несовместимый с жизнью.

Теперь главное было проникнуть в СИЗО до рассвета следующего дня, ибо всех умертвий казнили в первых лучах восходящего солнца.

Секретарша Деда-Дуба Верочка, сексуальная молодая ярилка, сегодня не пыталась прикрыть себя строгим костюмом, как обычно, и ее бюст слепил своим великолепием.

Она пыталась что-то сказать, но Люся не стала слушать. Быстро, насколько ей позволяла злополучная хромота, пересекла приемную, ворвалась в кабинет и остолбенела.

Не было раскидистого дерева, которое росло здесь годами и из-за которого Дед-Дуб и получил свое прозвище. самого старика, впрочем, тоже не было, а за его столом сидел посторонний мужчина.

Сначала показалось — яг, эти всегда стремились в полицию или армию, но спустя мгновение Люся поняла, что перед ней марен, и это не предвещало ничего хорошего. Все марены, с которыми она встречалась, были корыстными и похотливыми козлами. Лучше секса для них были только бабки, а лучше бабок — секс.

И что этому типу здесь понадобилось?

— А где Лихов? — растерянно спросила Люся.

— Я вместо него, — весело ответил марен, окидывая ее откровенным взглядом.

— Павел Викторович! — Верочка влетела в кабинет следом. Теперь ее декольте стало объяснимее: марен и ярила — гремучая

ЛЮСЯ, КОТОРАЯ ВСЕХ БЕСИЛА

смесь. — Простите, она без разрешения... Это Людмила Николаевна Осокина, портал «Город не спит».

— Осокина, — повторил марен, и больше не было в его голосе веселья, а во взгляде — заинтересованности, одна неприязнь.

Люся развернулась, вышла из кабинета и уставилась на табличку на двери: «П.В. Ветров, начальник отдела видовых нарушений городской полиции». Ветров, а не Лихов!

Дед-Дуб тихо ушел на пенсию, а ее портал об этом не знает?

Люся потянулась было за телефоном, чтобы известить редакцию, но замерла.

Люди часто ее терпеть не могли, это было как раз нормально, но чтобы так откровенно? Тут требовалась веская причина.

Павел Ветров.

Разумеется, ее память не могла хранить фамилии всех, о ком Люся когда-либо писала, но Ветрова она помнила.

Пятнадцать лет назад. Сын губернатора, устроивший два ДТП подряд в состоянии алкогольного опьянения.

Первое удалось замять.

Во второе Люся, еще студентка, вцепилась зубами, раскручивая и раскручивая историю и свой собственный портал, который в те времена был чем-то средним между блоготом и дайджестом.

Если бы не любовник из тех самых органов, она бы тогда эту тему не вытянула. Ее бы, зеленую девчонку, смяли, как и остальных.

Но Люся вытянула. И получила известность и аудиторию.

А непутевый мажор получил срок.

Губернатора сняли с должности.

Скандал на всю страну.

Вот оно что.

Люся решительно вернулась в кабинет. Прошла мимо Ветровки и села в кресло для посетителей у стола Ветрова.

— Павел Викторович, сколько лет, — приветливо, профессионально улыбаясь, затараторила Люся, — вас теперь не узнать. Возмужали, стали таким солидным.

Лично им не доводилось встречаться, но она помнила видео с места происшествия и трясущегося тощего студентика. Бутылку водки на пассажирском сиденье и веник роз.

Ветров неся к своей девушке, и Люсе хватило наглости опубликовать их переписку в соцсетях. Она обвинила девушку едва ли не в соучастии: ведь та знала, что ее ухажер пьян, знала, что он сел за руль, но не позвонила в ГИБДД.

Ох, сколько было комментариев! Безответственность детей влиятельных родителей — всегда благодатная почва.

— Вернулись в родной город? — непринужденно продолжила Люся, игнорируя и мрачный взгляд собеседника, и его побелевшие от гнева губы.

Ветров сделал знак секретарше, и Верочка скрылась за дверью. Откинулся назад, кажется, в стремлении оказаться как можно дальше от Люси, и сухо спросил:

— И вы действительно думаете, что я собираюсь с вами разговаривать?

— Ну а почему бы нам с вами не поговорить? С вашим предшественником мы прекрасно сотрудничали. К слову, когда вы успели занять его место? Приказ уже подписан? Почему не было официального объявления?

— Вон, — коротко велел Ветров. — Не вынуждайте меня вызывать охрану. Это унинительно.

— Унинительно, — охотно согласилась Люся и улыбнулась еще шире, — когда силовики превышают свои полномочия и выставляют свободную прессу за порог из-за личных обид.

Не став с ней спорить, Ветров потянулся к коммуникатору на столе.

— Верочка? Пригласите ко мне охрану.

Люся не пошевелилась и задала новый вопрос:

— Разве человек с судимостью может занимать такой пост?

И снова не получила ответа. Ветров, демонстративно игнорируя ее, уставился в монитор.

В общем, было понятно, что сейчас из него и слова не вытянуть. Но ведь впереди еще много интересного.

Люся встала, тяжело оперлась на трость, вежливо попрощалась и направилась к выходу. И вдруг вслед ей донеслось:

— И не вздумайте снова здесь появляться. Квакайте в другом месте. Ради бога, разве женщинам вашей породы не полагается мужу рубашки гладить?

Она замерла, не веря своим ушам. Откуда он вообще знает про ее вид?

Это было не просто хамство — это было за гранью всех мыслимых норм приличия. Никто и никогда не обсуждает вслух свои архаичные формы. Разумеется, архи узнавали друг друга, особенно нижние верхних — медведей и волков, но говорить про это! И к тому же вот так, походя, с издевкой!

Нет, марены действительно мерзавцы, но мерзавцы проникабельные. Многие из них все еще несли в себе колдовство, позабытое другими видами.

Значит, война.

Костика Носова, самого въедливого и язвительного из своих журналистов, Люся набрала из машины. Она мчалась в СИЗО, искренне надеясь, что туда еще не дошли новости о кадровых перестановках.

— Костя, вернулся наш мальчик-мажор, — сказала она, поправив гарнитуру.

— Какой из?.. — оживился Носов.

— Ветров-младший, сын бывшего губернатора. Два ДТП в состоянии алкогольного пятнадцать лет назад. Занял место Деда-Дуба, прикинь.

В ухе послышался возбужденный присвист.

Костик был кимором, то есть вздорным склочником, а Люся всегда уважала эти бесценные качества характера.

— Найди на него все, — продолжила она, — где и сколько сидел, когда вышел, на кого учился, налоговые данные, просканируй все арбитражи, свидетельства о собственности, соцсети, предыдущее место работы. Готовьте новость — вытряхните ту давнюю историю из архивов. Напомните городу о том, какое прошлое у Ветрова. Махинации его отца. Лихова народ любил, накидайте намеков, что Ветров подсидел Деда-Дуба. Посмотри, когда опубликован приказ, и, если его все еще нет, — попляши на этой теме. Созвонись с Лиховым, попробуй взять комментарий. И быстро, Костя. Костя?..

— Да-да, — он ответил не сразу, слышно было быстрое клацание клавиатуры, — понял, принял, работаю, Люсь.

Она кровожадно усмехнулась и припарковалась возле изолятора.

Михайлов, начальник СИЗО, выслушал ее просьбу с таким потрясением, будто Люся предложила ему устроить массовую резню.

— Интервью с нежитью-убийцей? — переспросил он слабым голосом. — Осокина, ты рехнулась?

Люся многозначительно погладила нежную кожу своей дамской сумочки.

Михайлов сглотнул, перевел мученический взгляд на камеру, снова посмотрел на Люсю.

— А если она?..

— За полчаса ничего не случится, — твердо заверила его Люся.

— Лихов разрешил?

— Лихов с утра у министра, сам понимаешь, такое дело резонансное. Но потом он все подпишет, всегда подписывает.

Видимо, это был последний Люсин визит в СИЗО. В следующий раз ее и на порог не пустят. Однако сейчас ей было не жаль ни испорченных отношений, ни денег на взятку. Люсю вел вперед профессиональный азарт.

Михайлов помялся, щелкнул мышкой, отключая камеру, раскрыл первое попавшееся дело, придвинул его Люсе, и она проворно положила туда тридцатку. Спустя несколько мгновений дело было закрыто, а камера вновь включена.

— Без фотоаппарата, — предупредил Михайлов, когда Люся потянулась за кофром.

— Ну Леш!

— Никаких «Леш». Или мне телефон тоже отобрать?

— Не надо телефон, — смирилась Люся и оставила кофр в кабинете.

— Попрошу врача подежурить поблизости, — уведомил ее Михайлов, пока они шли по коридору, — станет плохо — кричи. Но сопровождение не дам, мальчишки и так обходят корпус по широкой дуге. И веди себя прилично, камера все пишет. Я за тобой пригляжу.

ЛЮСЯ, КОТОРАЯ ВСЕХ БЕСИЛА

— Я всегда веду себя прилично, — нервничая, ответила Люся. Адреналин начал поступать в кровь, и она ощущала волнение и легкий, веселый страх.

Михайлов вдруг погладил ее по плечу. Он был ягом, защитником и стражем, и теперь мандражировал хлеще Люси. Но литры выпитого вместе коньяка и разнокалиберные суммы, перекочевавшие к нему из Люсиных карманов, сделали свое дело.

Щелкнули замки на тяжелой осиновой двери, и она шагнула внутрь, в мертвое царство ламп дневного освещения.

Все помещение было увешано различными оберегами.

Русалка сидела на лежанке в просторной деревянной клетке. Услышав щелчок замка и шум захлопнувшейся двери, она приблизилась к прутьям, глядя на посетительницу влажными мятежными глазами. Красивая.

Они всегда красивые.

Люся отжала кнопку диктофона в кармане, взяла стул и поставила его рядом с клеткой. Села, прислонила трость к бедру. Черный пудель на набалдашнике был просто причудой, а не проявлением ее дьявольского характера, как считали в редакции.

— Как тебя зовут?

— Лена. Елена Афанасьева.

— Ты помнишь, как умерла?

Русалка затравленно ощерилась, взгляд заметался по Люсиному лицу, на кончиках распущенных длинных волос проступили тяжелые капли.

— Я жива, — сказала она. — С чего ты решила, что нет?

— Но с тобой случилось что-то плохое. — Люся не спрашивала, утверждала.

Только те, кто умер слишком рано, несправедливо, горько, становились тем, кем стала Лена.

— Я шла из университета... — Бледные длинные пальцы машинально прикоснулись к прутьям, русалка зашипела и отпрянула. Отдыхалась. — Двое ублюдков... мои однокурсники. Мы пошли выпить пива, а потом как-то оказались на стройке, и они меня...

— Изнасиловали, — тихо подсказала Люся.

Русалка кивнула. Мутные болотные слезы хлынули из глаз.

— Они меня били! Как не убили только.

Да в том-то и дело, девочка, что убили.

— Вы рассказали об этом следователям?

— Меня никто ни о чем не спрашивал.

Не спрашивали они, сволочи.

Люся попросила назвать имена насильников и университет. Он был в соседнем городе.

— Что с тобой было потом, Лен?

— Я пришла в себя, и мне стало все противно. Та стройка, свой дом, город. Я просто села в машину к дальнобойщикам и поехала куда глаза глядят.

Инстинкты всегда гнали русалок как можно дальше от места их смерти. Так у них повышались шансы быть пойманными не сразу. Некоторые из них годами бродили среди людей. Со временем первоначальная жадность притуплялась, и они учились не убивать своих жертв.

Таких, опытных, найти было сложнее всего.

Существовало три способа опознать русалку, и Люся знала: на практике ни один из них не работал.

Лена продолжала свой рассказ — о дальнобойщиках, о Вите, который приютил у себя бродяжку, о том, как ей было с ним хорошо, а ему с ней — с каждым днем все хуже.

Люся слушала и слушала, и ей было так жаль эту бедную девочку, так хотелось ее обнять, утешить, что она очнулась, только когда протянула руки сквозь прутья и ощутила ледяное прикосновение.

Замерев, Люся вгляделась в тонкое изящное лицо, спрашивая себя: понимает ли русалка, что делает, или действительно все еще думает, что жива, и искренне не догадывается, отчего ее сожителя увезли на «скорой»?

— Дело в том, — Люся отодвинулась, не спуская глаз с собеседницы, — что ты действительно умерла на той стройке, Лен. Но твоя обида была так велика, что не отпустила тебя дальше. Ты стала русалкой, и на рассвете тебя казнят.

Лена захлопала мокрыми ресницами, хорошенькая мордашка выглядела совершенно несчастной.

Возможно, Люся напрасно омрачила последние часы ее смерти, но ведь она затеяла это интервью и обманула Михайлова не только ради повышения охватов. О психологии нежити

ученые спорили до сих пор, и было по-настоящему интересно узнать чуть больше.

— Русалок казнят всегда, — продолжила Люся спокойно, — как и трясовиц, хоть те и выглядят невинными детьми. Навей же обычно просто ставят на контроль. Жизнь ужасно несправедлива. Ты ведь не сделала ничего плохого. Ты ведь жертва, да, Лен?

И тогда сквозь нежные черты проступило нечто хищное, потустороннее, смертоносное. Оскал исказил бледные губы, а в глазах замельтешили болотные огоньки.

Голова Люси дернулась, когда некая невидимая смрадная волна окутала ее, навалились слабость и усталость

— Тебе полегчало? — спросила она и встала.

И хотя ее чуть пошатывало, пока она шла по коридору за Михайловым, Люся ликовала.

Это будет потрясающий материал.

— Напомни Лихову, чтобы он спустил разрешение на визит, — напомнил Михайлов.

— Конечно, — с легким сердцем ответила Люся и помахала ему на прощание.

«Новый глава отдела видовых нарушений в юности имел проблемы с законом», — писали ее журналисты. Они откопали и видео с трясущимся студентом Ветровым, и то, что он отсидел всего полтора года из пяти, и интервью со сбитой женщиной, которая годами училась ходить заново. Костик даже упомянул бабушку Ветрова, мать папы-губернатора, брошенную всеми. Папа-губернатор бежал, поджав хвост, в Москву, где затерялся в многочисленной толпе околоправительственных прихлебал. Внук отправился в места не столь отдаленные, а старушка осталась одна. В городе, где ее фамилия стала ругательной и где все друзья и знакомые смотрели с презрением.

«Бедная женщина, — писал Костик, — вот уже пятнадцать лет не выходит из дома. Навестили ли ее родственники хоть раз за все эти годы?»

Вздвигнув, Люся еще раз перечитала про пятнадцать лет и позвонила своей соседке по лестничной клетке Нине Петровне. Той самой, с которой они уже много лет жили, не закрывая ме-